

Глава 7. Возрождение эпиметеевского человека

Ваше общество напоминает мне невероятную машинку, которую я однажды видел в Нью-Йорке в магазине игрушек. Это была металлическая шкатулка, которая при нажатии на кнопку открывалась и обнаруживала механическую руку. Протягивались хромированные пальцы, доставали до крышки, тянули ее и закрывали изнутри. Это была всего лишь коробка; вы ожидали, что из нее можно что-нибудь достать, однако все, что в ней было, служило лишь механизмом для ее закрывания. Эта штука была противоположностью ящика Пандоры.

По происхождению Пандора (Вседающая) была богиней земли в доисторической матриархальной Греции, Она позволила всем болезням убежать из ее амфоры (*pythos*). Но она успела закрыть крышку, пока не убежала надежда. История современного человека начинается с вырождения мифа о Пандоре и оканчивается самозакрывающейся шкатулкой. Это история прометеевской попытки выковать социальные институты для того, чтобы загнать обратно каждую из буйствующих болезней. Это история увядания надежды и роста ожиданий.

Для того чтобы понять, что это означает, мы должны заново увидеть различие между надеждой и ожиданием. Надежда в строгом смысле означает доверчивую веру в доброту природы, а ожидать, как это будет использоваться здесь, - значит полагаться на результаты, спланированные и контролируемые человеком. Надежда хочет получить от кого-то подарок, а ожидание предвосхищает удовлетворение от предсказанного процесса, который принесет с собой то, чего мы вправе требовать. Сейчас прометеевская этика исключает надежду. От ее переоткрытия как социальной силы зависит выживание человеческой расы.

Настоящая Пандора была послана на землю с сосудом, содержащим все болезни; из хорошего в нем была лишь надежда. Примитивный человек жил в мире надежды. Он полагался на влияние природы, на милость богов и на инстинкты своего племени, позволявшие ему существовать. Классические греки начали замещать надежду ожиданиями. В их версии Пандора различала добро и зло. Они помнили ее преимущественно по болезням, которые она выпустила. Но они забыли, что Вседающая дала людям также надежду.

Греки рассказали историю о двух братьях - Прометее и Эпиметее. Прометей убеждал Эпиметея оставить Пандору. Вместо этого Эпиметей женился на ней. В классической Греции имя Эпиметей означало «дурачок», было синонимом слова «глупый» или «тупой». Во времена Гесиода историю пересказывали в ее классической форме: греки стали

моралистами и патриархальными женоненавистниками, которые панически боялись думать о первой женщине. Они построили рациональное и авторитарное общество. Мужчины выдумали социальные институты, благодаря которым они собирались справиться с буйствующими болезнями. Они осознавали свою силу проектировать мир и заставлять его создавать услуги, которые они также научились ожидать. Греки хотели искусственно сформировать свои собственные потребности и будущие требования к своим детям. Они стали создавать законы, архитектуру, писать, создавать конституции, города, произведения искусства, послужившие образцом их потомкам. Примитивный человек полагался на мифическое соучастие в священных ритуалах инициации человека в знания общества, но классические греки признавали истинным человеком только того гражданина, который сам удовлетворялся образованием (*paideia*) в институтах, которые запланировали старшие.

Развитие мифа отражало переход от мира, в котором мечта *интерпретировалась*, к миру, в котором предсказания *делались*. В незапамятное время богиня земли принимала поклонения на склоне горы Парнас, которая была центром мира и пупом земли. Там, в Дельфах (от *delphys* - матка), спала Гея, сестра Хаоса и Эроса. Ее сын, дракон Пифон, охранял ее ночные и дневные сны, пока Аполлон, Сын Бога, строитель Трои, не пришел с Востока, обманул дракона и не завладел пещерой Геи. Его жрецы взяли верх над ее храмом. Они набрали местных девушек, посадили их на треножники над дымящимся пупом земли и сделали их грезы вещими. Потом они пели экстатические песнопения в гекзаметрах - самоисполняющиеся пророчества. Со всего Пелопонесса люди несли свои проблемы в святилище Аполлона. Оракул консультировал по социальным вопросам, таким, как прекращение чумы или язвы, выбирал правильную конституцию для Спарты или подходящий участок для городов, которые позднее стали называться Византии и Халкедон. Безошибочно попадающая в цель стрела стала символом Аполлона. Все, что рассказывали о нем, было исполнено цели и пользы.

В «Республике», описывая идеальное государство, Платон уже исключает из обихода популярную музыку. Только арфа и лира Аполлона разрешались в городе, потому что только их гармония создает «натяжение необходимости и натяжение свободы, натяжение несчастья и натяжение счастья, натяжение мужества и натяжение умеренности, которое приличествует гражданину». Городские жители панически боялись флейты Пана, ее мощь будила их инстинкты. Только «пастухи могут играть на флейте [Пана], да и они только в деревне».

Человек принимал на себя ответственность за законы, при которых он хочет жить, и за выбор среды его собственного воображения. Примитивные инициации матерью-Землей в мифической жизни были трансформированы в образование (*paideia*) граждан, которые чувствовали себя на форуме, как дома.

Для примитивного человека мир был управляем судьбой, а фактически - необходимостью. Украд огонь у бога, Прометей превратил факт в проблему, необходимость в вопрос и бросил вызов судьбе. Классический человек вписался в цивилизованный контекст в человеческой перспективе. Он осознал, что может бросить вызов судьбе-природе-среде, но только на свой собственный риск. Современный человек идет дальше: он пытается создать мир в своем воображении, построить полностью сделанную человеком среду, а затем открыть, что это

возможно только на условиях постоянной переделки самого себя, чтобы удовлетворять этим условиям. Нам пора осознать, что сегодня человек сам стоит у границы.

Жизнь в сегодняшнем Нью-Йорке порождает весьма своеобразное представление о том, что есть на свете и что может быть, и без этого представления жизнь в Нью-Йорке невозможна. Ребенок на улицах Нью-Йорка никогда не трогает ничего такого, что не было бы научно разработано, сконструировано, спланировано и продано кому-то. Даже деревья растут там потому, что их решил посадить Департамент парков. Шутки дети слышат по телевизору запрограммированные и дорогостоящие. Мусор, которым они играют на улицах Гарлема, состоит из рваных пакетов, заготовленных для кого-то еще. Даже желания и страхи институционально сформированы. Сила и насилие организованы в управляемые банды, противостоящие полиции. Учиться можно, потребляя учебные предметы, которые являются следствием исследований, планов и продвинутых программ. Любой товар является продуктом неких специализированных социальных институтов. Было бы глупо требовать чего-нибудь такого, что какие-либо институты не могут произвести. Городской ребенок не может ожидать ничего, что лежит вне возможностей разработанного институционального процесса. Даже его фантазия диктуется научной фантастикой. Он может приобретать опыт незапланированного поэтического удивления только благодаря встречам с «грязным», глупым или неправильным: апельсиновая корка в канаве, лужа на улице, сбой порядка, программы или машины - единственные поводы для возбуждения творческой фантазии. «Дуракаваляние» становится единственной подручной поэзией.

Поскольку ни одного не запланированного желания уже нет, городской ребенок скоро заключает, что мы всегда будем способны проектировать социальный институт для любого нашего желания. Он принимает как должное способность процесса создавать ценности. В чем бы ни состояла его цель - во встрече с товарищем, в интеграции в сообщество или приобретении навыков чтения, она определяется так, что движение к ней можно спроектировать. Человек, который знает, что ему не может потребоваться ничего такого, что не производилось бы, скоро начинает ожидать, что ничего и не производится, если нет спроса. Если луноход можно спроектировать, следовательно, есть спрос на полеты на Луну. Не идти куда-то, куда можно пойти, было бы разрушительно. Это разоблачило бы как глупость предположение, что каждый удовлетворенный спрос влечет за собой даже больший неудовлетворенный. Такое открытие может остановить прогресс. Не производить, что, возможно, значило бы разоблечь закон «растущих ожиданий» как эвфемизм для все растущей фрустрации, которая является движущей силой общества, построенного на сочетании роста производства услуг и спроса.

Государство разума современных городских жителей появляется в мифической традиции только при изображении ада: Сизиф, который скован Танатосом (смертью), должен катить тяжелый камень вверх по горе к вершине ада, и камень всегда выскальзывает из его рук, как только он достигает вершины. Тантал, который был приглашен богами разделить их трапезу и по этому случаю укравший их секрет приготовления всеисцеляющей амброзии, был одарен вечным мучением голодом и жаждой, стоя в потоке отступающей от него воды среди фруктовых деревьев, отводящих от него свои полные плодов ветви. Мир постоянно растущих запросов не просто порочен, имя ему - ад.

У людей развилась фрустрирующая готовность чего угодно, поскольку они уже не могут представить себе ничего такого, что не могло бы быть предоставлено им соответствующими социальными институтами. Окруженный этими могущественными социальными инструментами, человек сам стал объектом их манипуляций. Каждый из социальных институтов, созданных для изгнания того или иного зла, стал надежным для человека самозакрывающимся гробом. Человек оказался в западне ящиков, созданных им для хранения болезней, которым Пандора позволила убежать. Мы живем в тумане, скрывающем реальность и созданном нашими собственными инструментами. Неожиданно для самих себя мы обнаружили, что загнали себя в западню.

Сама реальность стала зависеть от человеческого решения. Тот самый президент, который санкционировал неудачное вторжение в Камбоджу, мог с равным успехом приказать использовать атомное оружие. «Хиросимская кнопка» может теперь перерезать пуповину земли. Человек приобрел власть над миром, позволяющую ему поставить Хаос выше Эроса и Геи. Новая способность человека уничтожить Землю постоянно напоминает нам, что социальные институты не только творят свой собственный конец, но также в силах положить конец и нам. Абсурдность современных социальных институтов очевидна, когда речь идет о военных. Современное оружие может защитить свободу, цивилизацию и жизнь, только уничтожив их. Безопасность на военном языке означает способность удрать с земли.

Не менее очевидна и абсурдность невоенных социальных институтов. У них нет кнопки, способной активировать их деструктивную силу, но они и не нуждаются в кнопке. Их замок уже защелкнулся на крышке мира. Они создают потребности быстрее, чем могут обеспечить их удовлетворение, и в процессе удовлетворения ими же созданных потребностей они пожирают Землю. Это справедливо не только для сельского хозяйства и промышленности, но и в не меньшей степени для медицины и образования. Современное сельское хозяйство отравляет и истощает почву. «Зеленая революция» может посредством новых семян утроить урожай с акра - но только еще большим пропорциональным увеличением удобрений, инсектицидов, воды и энергии. Производство всего этого, как и других товаров, отравляет океан и атмосферу и тратит невозполнимые ресурсы. Это сгорание сегодня продолжает повышаться, и скоро мы будем потреблять кислород атмосферы быстрее, чем он восстанавливается. У нас нет причин быть уверенными, что деление или синтез водорода могут заменить горение без равного или большего риска. В медицине мужчины заменяют повивальных бабок и обещают сделать человека еще лучше: генетически спланированного, фармакологически подслащенного и более продолжительно болеющего. Современный идеал - это пангигиенический мир: мир, в котором все контакты между людьми и между людьми и их миром есть результат предвидения и манипуляции. Деятельность школ стала планируемым процессом, инструменты которого - люди для запланированного мира, основные инструменты для ловли людей в человеческую же ловушку. Предполагается сформировать каждого человека так, чтобы он подходил для участия во всемирной игре. Мы неуклонно культивируем, выращиваем, продуцируем и «школим» мир вне существования.

Военные социальные институты очевидно абсурдны. Абсурдность невоенных социальных институтов более трудно обнаружить. И это еще более страшно, потому что они действуют точно и неумолимо. Мы знаем, что кнопку нельзя нажимать во избежание атомного Холокоста. Но нельзя выключить экологический Армагеддон.

Еще в античные времена человек обнаружил, что мир может быть создан по человеческому плану, и одновременно увидел присущие такому миру ненадежность, драматизм и комичность. Возникли демократические социальные институты, признавшие человека достойным доверия. Ожидания в отношении их деятельности и доверие к человеческой природе уравнивали друг друга. Сложились основные профессии, а с ними и социальные институты, необходимые для их отправления.

Постепенно на смену зависимости от индивидуальной доброй воли приходит доверие к институциональному процессу. Мир утрачивает свое гуманистическое измерение и попадает в зависимость от необходимости или от судьбы, характерной для времен варварства. Но если хаос первоначального варварства управлялся мистическими, антропоморфными богами, то наш нынешний мир стал таким, какой он есть, только в результате плановой деятельности людей. Человек же стал игрушкой в руках ученых, инженеров и проектировщиков.

Мы видим эту логику в действии на самих себе и на других. Есть одна мексиканская деревня, через которую в день проезжает не более дюжины автомобилей. Мексиканец играл в домино на новой свежепокрытой дороге перед своим домом, как он делал это, вероятно, с юности. Проехал автомобиль и задавил его. Турист, рассказывавший мне об этом происшествии, был глубоко опечален, но все же сказал: «Такова уж его доля».

На первый взгляд замечание туриста не слишком отличается от утверждения примитивного бушмена, докладывающего о смерти товарища, который нарушил табу и потому умер. На самом деле эти два утверждения противоположны по смыслу. Дикарь боится чего-то огромного и молчаливо трансцендентного, а турист испытывает благоговейный страх перед неумолимой властью машины. Дикарь не чувствует ответственности; турист чувствует ее, но отрицает. И в дикаре, и в туристе осуществляется классическая трагедия, а логика личного усилия и протеста отсутствует. Примитивный человек их не имеет, а турист утратил. Миф бушмена и миф американца сотворены инертной внечеловеческой силой. Ни у кого нет опыта трагического мятежа, восстания. Для бушмена событие следует законам магии; для американца оно следует законам науки. Происшествие предает его чарам законов механики, которые для него управляют физическими, социальными и психологическими событиями.

Настроение 1971 г. благоприятно для решительного изменения направления поисков будущего, полного надежды. Институциональные цели постоянно противоречат институциональным делам. Программа борьбы с бедностью производит все больше бедных, война в Азии - все больше вьетконговцев, техническая помощь - все больше недоразвитости. Клиники регулирования рождаемости увеличивают уровень выживания и тем самым рост населения; школы производят все больше исключенных из них, и успех в обуздании одного вида загрязнения среды, как правило, увеличивает другой.

Потребители сталкиваются с тем, что, чем больше они покупают, тем больше жульничества они должны проглотить. Еще недавно казалось логичным, что вину за это всеобъемлющее разрастание беспомощности нужно возложить или на отставание научных открытий от технологических требований, или на этнические и идеологические извращения и классовую

вражду. Оба ожидания - и тысячелетия науки, и войны, которая бы положила конец всем войнам, - не оправдались.

Для искушенного потребителя надежный путь вернуться к первозданности - положиться на магическую технологию. Слишком многие люди имеют дурной опыт с невротическими компьютерами, госпитальными инфекциями, заторами везде, где есть движение, - на дорогах, в воздухе или телефонных линиях. Всего десять лет назад конвенциональная мудрость предсказывала улучшение жизни за счет роста числа научных открытий. Сегодня ученые пугают детей. Запуск ракеты на Луну создает завораживающее впечатление, что возможность ошибок среди операторов сложных систем можно почти полностью исключить, однако это не ослабляет наших опасений, что неспособность человека действовать в точном соответствии с инструкцией может выйти из-под контроля.

Для социальных реформаторов нет пути назад, например в 1940-е. Исчезла надежда, что проблема справедливого распределения товаров может быть решена, то сглажена путем создания их изобилия. Стоимость минимальной корзины, способной удовлетворить современные вкусы, взлетает ракетой, и то, что делало вкус современным, устаревает еще в процессе удовлетворения.

Ограниченность земных ресурсов стала очевидной. Не видно прорыва в науке или технологии, который мог бы снабдить каждого человека в мире товарами широкого потребления и услугами, которые сейчас доступны бедным в самых богатых странах. Так, например, для достижения этой цели при самых щадящих технологиях надо добывать в сто раз больше железа, олова и меди, чем сейчас.

Наконец, учителя, врачи, социальные работники понимают, что при всех различиях профессиональных обязанностей их деятельность имеет по крайней мере один общий аспект. Они создают все новые потребности в институциональном обслуживании и делают это быстрее, чем совершенствуют и расширяют само это обслуживание.

Не только отдельные аспекты конвенциональной мудрости, но и сама ее логика оказываются под вопросом. Даже законы экономики кажутся недействующими вне узких параметров, которые применяются к обществу - географической области, где сконцентрировано наибольшее количество денег. Деньги, конечно, самая дешевая валюта, но только в экономике эффективности, измеряемой в денежных единицах. И капиталистические, и коммунистические страны при всех своих различиях измеряют свою эффективность отношением «затраты - польза», где то и другое выражено в долларах. Капитализм похвастается высоким уровнем жизни и поэтому претендует на превосходство. Коммунизм гордится высокими темпами роста как свидетельством своего окончательного триумфа. Но при обеих идеологиях плата за рост эффективности увеличивается в геометрической прогрессии. Крупнейшие институты завершают жестокий подсчет ресурсов, не перечисленных ни в какой инвентарной описи: воздух, океан, тишина, солнечный свет и здоровье. Они привлекают общественное внимание к скудости этих ресурсов, только когда они почти невозвратимо утрачены. Везде природа становится ядовитой, общество - негуманным, внутренней жизнью насильственно завладевают и личное призвание душат.

Общество осуществляет институализацию ценностей, сверяясь с производством товаров и услуг и спросом на них. Образование включает потребность в продукте в стоимость самого продукта. Школа - рекламное агентство, заставляющее вас поверить, что вы нуждаетесь именно в том обществе, которое существует. В этом обществе маргинальные ценности становятся исключительно агрессивными. Они заставляют незначительное число крупных потребителей бороться за право истощать землю, набивать свои и так раздутые животы, держать в узде малых потребителей и уничтожать тех, кто все еще предпочитает обходиться тем, что имеет и умеет. Этика ненасытности оказывается основой для хищнического истребления ресурсов, социальной поляризации и психологической пассивности.

Поскольку ценности трансформированы в плановые и организованные процессы, члены современного общества убеждены в том, что жить правильной и хорошей жизнью означает иметь социальные институты, определяющие ценности, в которых и они, и общество нуждаются. Институциональная ценность определяется результатами деятельности соответствующего института. Соответственно ценность человека измеряется его способностью потреблять или игнорировать эти институциональные результаты и таким образом создавать новые, еще более высокие запросы. Ценность институционализированного человека зависит от того, сколько мусора он может переработать. Образно говоря, человек стал идолом собственных изделий. Он уже сам себя видит печью, в которой сжигаются ценности, создаваемые им же порожденными инструментами. И нет предела его способности потреблять. Так дело Прометея доводится до абсурда.

Истощение и загрязнение мировых ресурсов есть сверх всего результат утраты человеческого образа самого себя, регресс его сознания. Некоторые говорят о мутации коллективного сознания, которая ведет к концепции человека как организма, зависящего не от природы и индивидуальности, но, скорее, от социальных институтов. Эта институализация базовых ценностей, эта вера в то, что запланированный процесс обслуживания в конечном счете даст результат, желательный для обслуживаемого, эта потребительская этика и есть самая суть провала идеи Прометея.

Удастся ли миру снова обрести равновесие в глобальном масштабе, зависит от деинституализации ценностей.

Подозрение, что что-то в корне неправильно с образом *homo faber*, - общее для растущего меньшинства в капиталистических, коммунистических и «развивающихся» странах. Это подозрение есть разделяемая характеристика новой элиты. К ней принадлежат люди всех классов, доходов, вер и цивилизаций. Они стали опасаться мифов большинства: научных утопий, идеологий дьяволизма и ожидания распределения товаров и услуг с некоторой степенью равенства. Они разделяют с большинством чувство загнанности в ловушку, осознание того, что большинство новых политических течений одобрено широким консенсусом, последовательно ведущим к результатам, прямо противоположным провозглашенным целям. Однако, если прометеевское большинство якобы представителей будущего все еще избегает обсуждения структурных проблем, появляется меньшинство, настроенное весьма критично к научному *deus ex machina*, идеологическим панацеям и

охоте на дьяволов и ведьм. Это меньшинство начинает выказывать подозрение, что мы прикованы своими заблуждениями к современным социальным институтам, как Прометей к своей скале. Надежда, вера и классическая ирония (*eironeia*) должны помочь нам разглядеть ошибку Прометея.

Дельфийская пифия теперь заменена компьютером, который парит над панелями и перфокартами. Гекзаметры оракула даются в шестнадцатеричном коде инструкций. Рулевой поворачивает руль кибернетической машины. Создаются машины, указывающие нам нашу судьбу. Детская фантазия улетает на космическом корабле прочь от сумеречной Земли.

Только глядя на Землю с позиции Человека-на-Луне, Прометей еще мог бы усмотреть в сверкающей голубой Гее планету Надежды и Ковчег человечества. И лишь новое чувство конечности Земли и новая ностальгия могут теперь открыть человеку глаза и заставить его сделать выбор в пользу его брата Эпиметея, чтобы воссоединить Землю с Пандорой.

И здесь греческий миф превращается в исполненное надежды пророчество, ведь в нем говорится, что Прометей родил Девкалиона, ставшего рулевым на ковчеге, пережившего потоп, подобно Нюю, и породившего новое человечество, созданное им из земли с Пиррой, дочерью Эпиметея и Пандоры. Мы проникаем в смысл послания, полученного Пандорой от богов, и понимаем, что именно означал ее ящик: наш корабль и ковчег.

Теперь нам нужно название для тех, кто ставит надежду выше ожиданий, для тех, кто любит людей больше, чем продукты производства, кто верит, что

Людей неинтересных в мире нет.

Их судьбы - как история планет.

У каждой все особое, свое,

И нет планет, похожих на нее.

Нам нужно название для тех, кто любит Землю, где у каждого человека есть надежда на встречу с другим:

А если кто-то незаметно жил

И с этой незаметностью дружил,

Он интересен был среди людей

Самой неинтересностью своей.

Нам нужно название для тех, кто вместе со своим собратом Прометеем поддерживает огонь и кует железо во имя того, чтобы все больше заботиться о других и терпеливо ожидать, зная, что

У каждого - свой тайный личный мир.

Есть в мире этом самый лучший миг.

Есть в мире этом самый страшный час,

Но это все неведомо для нас [32].

Я предлагаю назвать этих исполненных надежды братьев и сестер эпиметеевскими людьми.

Версия #1

Зверобой создал 22 мая 2025 23:24:57

Зверобой обновил 22 мая 2025 23:25:31